

Посилення категоричності конфронтативної взаємодії може відбуватися за рахунок супроводжуючого її директивного мовленнєвого акту прохання / наказу / вимоги, оформленого на рівні мови дієсловом у наказовому способі та формою наказового речення:

“Aussteigen!” “Was soll das? Warum denn? Blödsinn ...”

“Weil in meinem Wagen für solch einen gottlosen Hund, wie du es bist, kein Platz ist! Aussteigen, du!” (“Gegen die Wand”)

мовленнєвого акту несхвалення / докору / обурення, вираженого найчастіше формою розповідного окличного речення:

“Gehen wir los, bis niemand uns gesehen hat!” „Aber du hast doch selbst erlebt, was eben passiert ist. *Wie kannst du das von mir erwarten!*“ („Die Welt in jenem Sommer“)

Типовим для інтенсифікації конфронтації є функціонування мовленнєвого акту звинувачення, в якому мовець не лише висловлює свої негативні емоції, а й “аргументує” конфлікт, вказуючи на те, що його установка певною мірою зумовлена невідповідними діями самого адресата:

“Einer von uns ist ein Mörder. Ja. *Du bist es.* Wo warst du denn, als es gebrannt hat? Du warst der einzige, der nicht da war. “ (“Herrenrunde”)

„Helfen! Ich will ihm nicht helfen! *Ein Raubmörder ist er, er hat die Frau Bergmann erschlagen, um ihr den Schmuck wegzunehmen.*“ („Marktplatz der Sensationen“)

Інтенсифікатори конфронтаційності презентують лише одну можливість процесу розгортання/модифікації дискурсу сімейного спілкування. Іншим полюсом на шкалі його варіювання є структурно-семантичні мітигатори конфліктних ситуацій, дослідження яких є перспективним продовженням представленого аналізу.

БІБЛІОГРАФІЯ

1. Борисова И.Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика. – М.: КомКнига, 2005. – 320 с.
2. Бігарі А.А. Дискурс сучасної англосовітської сім'ї Автореф. дис... канд. філол. наук: 10.02.04. – Київ. нац. ун-т ім. Т.Шевченка. – К., 2006. – 21 с.
3. Изард К.С. Эмоции человека. – М.: Изд. Моск. гос. ун-та, 1980. – 440 с.
4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс: Монография. – Волгоград: Перемена, 2002.
5. Осовська І.М. Привід до конфлікту та його структурна організація/ Науковий вісник Чернівецького ун-ту. Германська філологія. – Чернівці: Рута. – 2008. – Вип. 372. – С. 77-84.
6. Осовська І.М. Формулювання протилежних точок зору як центральна фаза конфліктної ситуації/ М-ли Міжнар. наук. конф. „Актуальні проблеми романо-германської філології” (Чернівці, 10–12 квітня 2008 р.). – Чернівці: Книги XXI, 2008. – С.205-207.
7. Gruber H. Streitgespräche. Zur Pragmatik einer Diskursform. Opladen: Westdeutscher Verlag. – 1996. – 351 S.

ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРА

Ірина Осовська – кандидат філологічних наук, доцент кафедри германського, загального та порівняльного мовознавства Чернівецького національного університету імені Юрія Федьковича.

Наукові інтереси: функціональна граматики, дискурс-аналіз, прагматика, комунікативна лінгвістика.

УТЕШЕНИЕ КАК ЖАНР РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ ВРАЧА И ПАЦИЕНТА (на материале художественных произведений писателей-врачей)

Елена ПОНОМАРЕНКО (Симферополь, Украина)

У статті розглядаються прагматичні, структурні та мовні характеристики мовленнєвого жанру втішання на матеріалі оповідань письменників-лікарів.

The article considers paralinguistic structural and linguistic features of the consolation speech genre in the stories by writers-doctors.

Одной из задач, которые ставит сегодня перед собой жанроведение, является не только теоретическое осмысление, но и создание энциклопедии речевых жанров (далее РЖ), их «портретов». В последнее время эта задача активно решается отечественными и зарубежными учеными: осуществляется описание и систематизация речевых жанров, исследуются различные аспекты РЖ (стилистические, психолингвистические, культурологические и др.), рассматриваются особенности жанровой организации речи в связи с общими законами коммуникативной и некоммуникативной деятельности. Научные изыскания лингвистов основываются, главным образом, на материале бытового, политического, рекламного и религиозного дискурсов. В меньшей степени исследованы

проблемы, связанные с коммуникацией в области медицинской сферы. Изучение жанровых особенностей речевого взаимодействия врача и пациента в прагматической концепции свидетельствует об *актуальности* нашего исследования.

Цель статьи – охарактеризовать речевой жанр «*утешение*» с позиции константных и факультативных признаков «модели речевого жанра», а также проанализировать языковые средства, оформляющие данный РЖ.

Материалом исследования послужили художественные произведения писателей-врачей конца XIX – начала XX веков А.П. Чехова, В.В. Вересаева, М.А. Булгакова.

В отечественной лингвистике к описанию и разграничению речевых жанров подходят с позиции «модели речевого жанра», предложенной Т.В. Шмелевой. Исследователь полагает, что в речевом сознании говорящего существует «типовой проект», канон, схема РЖ, для характеристики которого важны семь «конститутивных признаков»: 1) коммуникативная цель; 2) концепция адресанта; 3) концепция адресата; 4) событийное содержание; 5) фактор коммуникативного прошлого; 6) фактор коммуникативного будущего; 7) языковое воплощение [6: 83]. Анализ исследованного нами материала свидетельствует о том, что «паспорт жанра» может быть дополнен и расширен. Опираясь на вышеизложенную точку зрения, мы будем разграничивать конституирующие признаки на константные и факультативные. К константным признакам будем относить стратегии и тактики речевого общения; концепцию адресанта; концепцию адресата; эмоционально-психологические особенности говорящего и слушающего; фактор коммуникативного прошлого; фактор коммуникативного будущего и языковые средства. Факультативные конституирующие признаки – это образ автора произведения (автора-врача) (по В.В. Виноградову); религиозно-мифологическая составляющая и паралингвистические средства.

Охарактеризуем речевой жанр «*утешение*» в соответствии с предъявленной точкой зрения.

Существительное *утешение* образовалось от глагола *утешить* – ‘успокоить чем-н. радостным, облегчить кому-н. горе, страдание’ [4: 1038]. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов под редакцией Н.Ю. Шведовой свидетельствует о том, что глагол *утешить* восходит к лексеме *тешить* – ‘забавлять, развлекать, доставлять удовольствие’ [4: 982]. С этимологической точки зрения слово *тешить* имеет соответствие с прилагательным *тихий*, которое «развилось из др.-рус. *тихьи* «негромкий, спокойный, кроткий» вследствие изменения *хы > хи*. Др.-рус. *тихьи* восходит к праслав. **tǐxъ* «тих», которое чередованием гласных *i/e* связано с **těxa* «забава». От существительного **těxa* с пом. суф. *-i -ti* при чередов. *x/š* перед *i* образован глагол *těšiti* «тешить, успокаивать» > др.-рус. *t шити* «утешать, ободрять» > совр. рус. *тешить* «забавлять, развлекать, радовать, успокаивать» [5: 427]. Опыт лексикографического анализа дает возможность установить, что глагол *утешать* содержит семы ‘говорить’, ‘спокойно’, ‘хорошо’.

Стратегической задачей в речевом жанре *утешения* является стремление адресанта (доктора) словесно воздействовать на эмоциональное состояние адресата (пациента), а именно, сочувствуя больному, облегчить его физические и душевные переживания, вселяя при этом надежду на скорое выздоровление. Следует отметить, что тактики, реализующие основную стратегическую задачу, органично встраиваются в образ адресанта.

Концепция адресанта. Адресантом в речевом жанре *утешения* является врач, коммуникативное лидерство которого проявляется в различных ситуациях речевого взаимодействия с пациентом.

Материал художественных произведений конца XIX – начала XX веков показывает, что речевой жанр *утешения* нередко реализуется при первичном медицинском осмотре. В этом случае доктор старается сформировать и укрепить доверительные отношения с пациентом, поскольку «...доверие или недоверие врачу... глубоко определяет исход болезни...», «тот, кто больше верит, излечивается лучше» [2: 35]. Врач участливо и сострадательно относится к больному. Коммуникативные отношения в подобных ситуациях выражаются: 1) фатическими языковыми средствами, к которым относятся формулы утешения, хранящиеся в памяти говорящего: – *Полноме, сударыня, ну можно ли так падать духом!* –

сказал я. – Тут никакой и речи не может быть о смерти, – скоро вы будете совершенно здоровы (В.В. Вересаев, Записки врача); 2) формой императива со значением ‘эмоционального состояния человека’ *волноваться, бояться, успокаиваться*. Ср.: – У меня сердцебиение, – сказала она. – Всю ночь был такой ужас... я едва не умерла от ужаса! Дайте мне что-нибудь. – *Дам. Дам! Успокойтесь* (А.П. Чехов, Случай из практики); 3) безличными конструкциями: – *Прежде всего ложитесь и не разговаривайте!* – прервал я его. – *Вам ни одного слова не следует говорить. И не волнуйтесь, – это вовсе не опасно* (В.В. Вересаев, Записки врача).

В сложное и нестабильное время экономических и военных потрясений возросло количество всевозможных заболеваний и трагических случаев, приводивших к возникновению воспалительных процессов в организме человека. Появляющиеся осложнения требовали немедленного оперативного лечения, которое вызывало у пациентов опасение, страх и отчаяние. Поэтому в период подготовки к хирургической операции или непосредственно во время нее доктор, проникаясь сочувствием к страданиям больного, пытается эмоционально воздействовать на пациента. Врач не только применяет все свои профессиональные знания и накопленный опыт, но и старается найти нужные слова, чтобы помочь больному преодолеть страх. В таких ситуациях говорящий (доктор) обращается к слушающему (пациенту) на *ты*, выражая сопричастность личной сфере больного: *Тихонько, тихонько... потерпи*, – говорил я, осторожно прикладывая руки к растянутой жаркой и сухой коже (М. А. Булгаков, Крещение поворотом). В случаях речевого взаимодействия с молодыми людьми доктор использует обращение *юноша*, которое носит нейтрально-вежливый характер и употребляется преимущественно с «Вы»-формами. Ср.: *Все хорошо, юноша! Все хорошо. – Доктор поднял пальцами его подбородок* (В.В. Вересаев, Записки врача). На лексическом уровне адресант использует императивную форму глаголов со значением ‘физического и эмоционального состояния человека’ *бояться, унывать, терпеть*. Ср.: *Роженица уже лежала на операционном столе. Непрерывный стон разносился по больнице. – Терпи, терпи, – ласково бормотала Пелагея Ивановна, наклоняясь к женщине. – Доктор сейчас тебе поможет...*(М. А. Булгаков, Крещение поворотом); – *О-ой! Моченьки...нет... Нет моей моченьки! Я не вытерплю! – Небось...небось... – бормотала акушерка, – вытерпишь! Сейчас понюхать тебе дадим... Ничего и не услышишь* (М.А. Булгаков, Крещение поворотом). Следует также отметить, что в речевой деятельности адресанта присутствуют характерные средства и приемы экспрессивизации, к которым относятся лексические повторы – соположенные словоформы с усилительным значением, которые «восходят к так называемым сильным элементам разговорной речи и всегда воспринимаются как эмоционально-разговорные» [1: 126]. Ср.: *Возле кровати, толкая своей широкой спиной Павла, суетился плотный, чернобровый доктор. – Ничего, ничего, юноша! Бормотал он* (А.П. Чехов, Тиф); – *Тихонько, тихонько... потерпи*, – говорил я, осторожно прикладывая руки к растянутой жаркой и сухой коже (М.А. Булгаков, Крещение поворотом). Для квалификации физического состояния адресата говорящий употребляет безличные конструкции, ядро которых образуют слова категории состояния со значением оценки: – *Отлично, отлично... Так, так... – Дэ, дэ, дэ, – сыпал он. – Так, так... Отлично, юноша... Не надо унывать!* (А.П. Чехов, Тиф).

Отсутствие должного врачебного опыта у молодых земских докторов иногда отрицательно сказывалось на их профессиональной деятельности. Из-за ошибочно поставленного диагноза или некорректных хирургических манипуляций наблюдались случаи летального исхода. В связи с этим у молодых врачей появлялось чувство страха и неуверенности в собственных силах. Поэтому в период речевого взаимодействия с пациентом или его родственниками, чтобы скрыть волнение или ощущение некомпетентности, говорящий (доктор) намеренно пытался оптимизировать речевой контакт и прибегал к тактике «сближения с пациентом». Маркерами «сближения» в подобных случаях выступают: 1) форма императива единственного числа (*будь поспокойнее*); 2) формы выражения субъективной модальности (глагол *надеяться* и его производные); 3) императивная форма глаголов со значением ‘эмоционального состояния человека’ *бояться, волноваться*; 4) парцелированные синтаксические конструкции;

5) паралингвистические средства. Ср.: *Лидку вынесли в простыне, и сразу же в дверях показала мать. Глаза у нее были как у дикого зверя. Она спросила у меня: – Что? Когда я услышал звук ее голоса, пот потек у меня по спине, я только сообразил, что было бы, если бы Лидка умерла на столе. Но голосом очень спокойным я ей ответил: – Будь поспокойнее. Жива. Будет, надеюсь, жива. Только, пока трубку не вынем, ни слова не будет говорить, так не бойтесь* (М. А. Булгаков, Стальное горло).

Трагические либо крайне нежелательные обстоятельства или события, которые иногда сопровождали адресата (пациента), например, смерть близкого человека, также вызывали у говорящего (доктора) сострадание и нацеливали его на закономерную реакцию – оптимизацию эмоциональной сферы слушающего. Формальными средствами объективизации утешения в подобных ситуациях выступают: 1) императивная форма глагола со значением ‘эмоционального состояния человека’ *успокаиваться*, а также глагол *перестать* в императивной форме (*перестаньте!*), включающий сему ‘категоричность’: *перестаньте!* = *хватит!* Использование императивной лексики сопровождается невербальными подкреплениями. Ср.: – *Умерла?! – захлебнулся он, и вдруг, глядя на меня остановившимися, выпученными глазами, быстро, коротко зарыдал, словно залаял; он как будто не мог оторвать взгляда от моих глаз, трясаясь и рыдая этим странным, отрывистым, похожим на быстрый лай рыданием. – Успокойтесь... ну, что же делать!* – сказал я, кладя ему руку на рукав (В.В. Вересаев, Записки врача).

Концепция адресата в данном случае предполагает выделение эмоционально-экспрессивных особенностей личности слушающего (пациента). Адресатом в речевом жанре утешения являются в основном пациенты, получающие лечение в амбулаторном режиме, готовящиеся к операции или находящиеся в условиях послеоперационного восстановления.

Низкий уровень развития медицинской науки, высокая смертность вследствие эпидемий брюшного тифа и холеры на рубеже XIX-XX веков нередко вызывали у заболевших отрицательные эмоциональные реакции. Например, неожиданная хирургическая манипуляция стимулировала у больных чувство тревоги и страха. Распространенными формами объективизации данных эмоций выступают вопросительные предложения, содержанием которых является выяснение или уточнение данных о состоянии здоровья, о результатах обследования, о прогнозах на будущее: – *Мать, сухая и нервная, с бегающими, психопатическими глазами, так и замерла. – Доктор, скажите, это очень опасно? Он умрет?* (В.В. Вересаев, Записки врача); – *Ну да, вы мне это говорите для того, чтобы меня утешить... А долго я в таком случае, буду еще мучиться?* (В.В. Вересаев, Записки врача). Состояние тревоги оказывает дезорганизующее влияние на коммуникативные отношения участников диалога, что находит выражение в том, что такие вопросы включают: 1) лексические единицы с негативной (разрушающей) семантикой (*умирать, мучиться*); 2) явления гезитации; 3) эллиптические конструкции.

Фактор коммуникативного прошлого и коммуникативного будущего. «Образ прошлого различает РЖ инициальные, начинающие общение, и такие, которые могут появиться только после определенных РЖ – таковы ответ, отказ, согласие, опровержение и ряд других, для которых предлагалось наименование «реактивные»: все они являются реакциями на другие жанры» [6: 86]. РЖ утешения будем относить к реактивным речевым жанрам, поскольку он является реакцией на РЖ жалобы. Взаимодействуя с РЖ жалобы, характеризуемый нами РЖ утешения образует определенную жанровую цепочку (жанр жалобы → жанр утешения → жанр запроса информации). Ср.: *Молодая женщина зажала рот концом байкового платка, села на лавку и затряслась от плача (жанр жалобы) – Подлец он? А?! – выкрикнула она. – Что я буду делать? Ведь у меня двое детей, - говорила она сухим измученным голосом → (жанр утешения) – Погодите, погодите, бормотал я. – Видно будет, что делать. – Знаете что, – сказал я, и мне страстно захотелось, чтобы надежды меня не обманули и дальше не появилась бы нигде грозная твердая первичная язва, – знаете что?.. Перестаньте волноваться! Есть надежда. Надежда. Правда, все еще может случиться, но сейчас у вас ничего нет → (жанр запроса информации) – Нет? – Сипло спросила женщина. – Нет? – Искры появились у нее в глазах, и розовая краска тронула скулы. – А вдруг сделается? А?* (М. А. Булгаков, Звездная сыпь). По нашему мнению, порядок следования и набор речевых

жанров (в том числе и представленная цепочка) организованы под влиянием прагматических и экстралингвистических факторов, к числу которых следует отнести: 1) социальную роль говорящего; 2) уровень образованности и культурного развития адресата (пациента); 3) гендерные роли участников речевого общения.

Паралингвистические средства. Выражение *утешения* может осуществляться и паралингвистическими средствами. Согласно классификации, предложенной Е.А. Селивановой, основными составляющими невербальной коммуникации являются: «1) фонационные (тембр, темп, пауза, тон, мелодика, высота, сила, громкость, индивидуальные особенности произношения, характер дыхания и т.д.); 2) мануальные (жесты); 3) мимические (движения мышц лица); 4) пантомимические (движения тела, головы, ног); 5) ситуационные (зрительные ощущения собеседником цвета кожи, одежды, общей манеры поведения говорящего)» [3: 94]. При исследовании материала художественных текстов необходимо учитывать тот факт, что маркерами паравербального взаимодействия героев являются «авторские квалификаторы речи персонажей» (по Е.А. Селивановой). Характеризуя образ адресанта, отметим, что в качестве невербальных средств общения доктор использует в основном мануальные, к которым относятся всевозможные касания (рукопожатия, похлопывание по спине или плечу, прикосновения, поцелуи). Подобные паравербальные подкрепления являются необходимым условием благополучного психологического и эмоционального воздействия в случаях, если пациент испытывает чувство отчаяния, сопровождаемое состоянием безнадежности и безысходности. Невербальное поведение адресанта обусловлено, прежде всего, сочувственным отношением к больному. Ср.: – *Успокойтесь... ну, что же делать!* – сказал я, *кладя ему руку на рукав. Он тяжело опустился на стул и, раскачиваясь всем телом, схватился за голову* (В.В. Вересаев, Записки врача); – *Тихонько, тихонько... потерпи,* – говорил я, *осторожно прикладывая руки к растянутой жаркой и сухой коже* (М.А. Булгаков, Крещение поворотом). Важно отметить, что в случае невербального взаимодействия врача и пациента, касательные движения, как правило, нивелируют социальный статус, возраст, пол, национальность и личность собеседника.

Паралингвистические средства общения, сопровождающие речь адресата, также выполняют эмотивно-экспрессивную функцию. Наиболее частотными являются мимические невербальные средства (описание глаз), передающие эмоциональное состояние субъекта. Например: – *Мать, сухая и нервная, с бегающими, психопатическими глазами, так и замерла.* – *Доктор, скажите, это очень опасно? Он умрет?* (В.В. Вересаев, Записки врача). В данном случае индикатором эмотивности являются прилагательные-определения с ярко выраженной эмотивной семой.

Достаточно распространены случаи употребления невербальных средств общения, конкретно обозначающих эмоциональное состояние адресата (в данном случае отчаяния) в рамках эмоциональной типовой ситуации «субъект + описание его состояния». Например: – *Умерла?! – захлебнулся он, и вдруг, глядя на меня остановившимися, выпученными глазами, быстро, коротко зарыдал, словно залаял; он как будто не мог оторвать взгляда от моих глаз, трясясь и рыдая этим странным, отрывистым, похожим на быстрый лай рыданием* (В.В. Вересаев, Записки врача). В предложенном фрагменте текста наблюдается большая плотность эмотивных спецификаторов, к числу которых принадлежат пантомимические и ситуационные невербальные подкрепления.

Таким образом, модель речевого жанра *утешения* включает несколько конститутивных признаков, на основании которых осуществляется идентификация данного жанра: стратегическая задача говорящего, тактики, концепции адресанта и адресата (аспекты их взаимодействия), факторы коммуникативного прошлого и коммуникативного будущего, паралингвистические средства, языковое воплощение.

Дальнейшее исследование структурных особенностей речевых жанров в диалогическом контексте коммуникативной ситуации позволит нам приблизиться к созданию «портретов» РЖ, а также формированию их общей типологии.

БІБЛІОГРАФІЯ

1. Акимов Г.Н. Новое в синтаксисе современного русского языка: Учеб. Пособие. – М.: Высшая школа, 1990. – 168с.
2. Войно-Ясенецкий В.Ф. (Святитель Лука). Проповеди архиепископа Луки: 1946-1948 гг. – Симферополь, 2007. – 157 с.
3. Селиванова Е.А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации. – К.: Брама, 2004. – 336 с.
4. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. Отв. Ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2008.
5. Цыганенко Г.П. Этимологический словарь русского языка. – К.: Наукова думка, 1989.
6. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра// Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. – М.: Лабиринт, 2007. – С.81-89.

ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРА

Олена Пономаренко – кандидат філологічних наук, доцент кафедри російської мови Кримського державного медичного університету ім. С.І. Георгієвського.

Наукові інтереси: комунікативна лінгвістика, жанрознавство, методика викладання російської мови як іноземної.

ТИПИ ФУНКЦІОНУВАННЯ ІНТЕРТЕКСТУ У МЕДІА-ДИСКУРСІ

Уляна ПОТЯТИНИК (Львів, Україна)

На матеріалі заголовків із журналів Time та Newsweek проаналізовано типи функціонування інтертекстувальних «вкрапель» в контексті приймаючого тексту, в зв'язку з чим автор розмежовує «активну» і «пасивну» інтертекстуальність.

By drawing on headlines from Newsweek and Time magazines, the article discusses varying degrees to which intertextual structures are integrated into new contexts. In this respect, the author differentiates between active and passive intertextuality.

Сучасний медійний текст, як, зрештою, і будь-який інший, підпадає під сильний вплив найрізноманітніших дискурсивно-мовних експериментувань, що вже тривалий час спостерігаються в традиційних, а з нещодавнього часу, в нових медіа. Враховуючи нахил сучасного нарративу в бік постмодернізму, не дивно, що багатьом нарративним формам притаманна схильність вступати «в ігрові стосунки» з усталеними нормами. Це може набувати різних форм, зокрема фрагментованого дискурсу, еkleктизму, глузування над сакральним, інтертекстуальності тощо. Остання, складається враження, особливо «процвітає» в сучасному медійному дискурсі – політичному, економічному, розважальному та ін. – як своєрідний метод, манера письма (а не як філософська платформа), засадничими принципами для якої є тлумачення тексту як «зітканого» з багатьох різноголосих елементів, «відлунь» того, що було сказане колись. Таке розуміння інтертекстуальності суголосе інтерпретації тексту Ж.Дерідою, котрий, означивши останній «загальним текстом», тлумачив його як нескінченну низку відношень між сигніфікатором та сигніфікованим [цит. за Фроу, 6: 48]. Деріда трактував його в площині текстуального – нетекстуального. В цьому сенсі загальний текст складають власне текстуальність ..... та ті межі текстуальності, які ставлять під сумнів його (тексту – прим. авт.) автономність (замкнутість, завершеність – прим. авт.) та постійно відкривають його зовнішньому (позатекстовому), яке ніколи до кінця не є зовнішнім [цит. за Фроу, 6: 49]. Про це, зокрема, йдеться в його есе *Living on: Borderlines*, де Деріда говорить про розмивання меж (*débordement*), що, як традиційно вважалося, існують між текстами, внаслідок чого текст перестає бути завершеною структурою, певним змістом, делімітованим початком та кінцем та іншими традиційними атрибутами тексту [Ibid.]. Натомість ми маємо справу з безконечним переплетенням текстової матерії, яка постійно несе на собі відбитки чогось *іншого*, відмінного від *себе*. При цьому істотним є те, що це інше, інкорпороване не губиться, перетворюючись у гомогенну масу, а залишає в приймаючій структурі свої текстові «сліди». Як наслідок цього, на думку Деріди, ці відбитки чужого набувають складнішої структури, нашаровуючи додаткові смисли [Ibid.]. З нашого погляду, таке тлумачення тексту є прямим виходом на теорію інтертекстуальності, котра веде свій початок від М.Бахтіна, Ю.Крістєвої, та Р.Барта. Для даної розвідки є також важливими міркування Деріди про те, що будь-який елемент художнього мовлення, виходячи із неминучої різниці контекстів читання та письма, може бути вільно перенесеним до іншого історичного, соціального, політичного, культурного та естетичного контекстів, або й узагалі бути процитованим поза всяким контекстом [4: 26].

Інтертекстуальність органічна для медіа-дискурсу, адже він – продукт і процес взаємодії багатьох дискурсів. За своєю природою, він – вторинний дискурс, генерований на основі 220